

"Если ты сдохнешь, нам
все равно". Как в Беларуси
издеваются над
задержанными

Начало

В Беларуси после акций протеста, которые начались после президентских выборов, задержаниям, арестам и издевательствам подверглись тысячи людей. Многие избивали, унижали и морили голодом. Би-би-си поговорила с несколькими людьми, которые подверглись жестокому обращению в белорусских автозаках, тюрьмах и отделах милиции.

Алина Береснева, 20 лет

С 9 на 10 августа мы с друзьями возвращались из центра Минска и попали под раздачу ОМОНа. В акции протеста мы не участвовали, но меня все равно повалили на землю - на руке еще остались царапины - и нас упаковали в автобус.

Нас привезли на улицу Окрестина (в центр изоляции правонарушителей ГУВД Мингорисполкома - Би-би-си). На входе стоял мужчина, он приговаривал: "Суки, быстрее пошли!". Я спрашиваю: "За что вы так с нами разговариваете?" Он взял меня за шею и пнул в стену, сказав: "Суки, осматривайте пол, будете знать, где ходить, где гулять".

Нас, 13 девочек, посадили в камеру на четверых. Мы спрашивали сотрудника, можно ли нам сделать звонок, можно ли позвать адвоката, на что он нам отвечал: "Вы что, посмотрелись американских фильмов? Это вам не Америка, вам ничего не положено".

Подпись к фото,Разгонами мирных акций занимались спецподразделения, натренированные на борьбу с террористами

Прошла ночь, примерно в 12 часов дня нас начали пересчитывать, спрашивали имя и фамилию. Мы понимаем, что не ели уже больше суток - у всех скрутило животы, все были голодные, мы начали просить еду. Мы были готовы заплатить. На что нам ответили: "Нет, суки, будете знать, за кого голосовать". Мы были в жутком шоке, что нам так отвечают. Это было ужасно.

Потом настал вечер, и мы начали замечать - а у нас была щель между кормушкой и дверью - что людей выводят и заставляют подписывать что-то, хотя они кричали и возмущались. Подошла наша очередь подписывать эти протоколы. Мы с девочками договаривались отказываться от того, что нам приписывают.

Я попыталась ознакомиться с протоколом, начала его читать, Говорю: "Дайте мне, пожалуйста, ознакомиться, под чем я подписываюсь". Мне в ответ: "Я тебе, сейчас, сука, расскажу, давай быстро подписывай, а то я тебя ***** [изнасилую] и еще на 20 суток засажу". У меня был шок, у меня текли слезы, их следы остались на том протоколе. Я подписала: "согласна", поставила свою подпись, даже не знала, за что я подписываюсь.

Нам обещали, что отпустят сегодня же. Мы думали, что забудем про всё, как про страшный сон, но не тут-то было. Нас завели обратно в камеры, потом переместили в другую, где уже было 20 девушек - всего нас стало 33. Это было полное издевательство.

Когда не было еды - это самый страшный момент. Я сама по себе сильный человек. Но меня в тот момент сломали. Я просто сидела, у меня настолько скручивался живот, что я не знала, что мне делать. Ты сидишь и понимаешь, как твой организм пытается справиться с этим, но не получается. И ты сидишь просто как маленький ребенок. Ты озлоблен, но у тебя нет сил, и тебе никто не поможет.

Подпись к фото, Родственники задержанных во время акций протеста у одного из изоляторов в Минске

Я не знала, что мне делать, просто сидела, свернувшись в кулек, у меня пошел холодный пот, и мне позвали врача. Я еле встала и через эту кормушку говорю: "Понимаете, я не могу стоять, мне плохо, у меня кружится голова". Она говорит: "Будешь знать, где ходить в следующий раз". Мне в итоге дали таблетку валидола - на голодный желудок. Я ее пить, конечно, не стала, чтобы не сделать себе еще хуже.

Прошла еще одна ночь. Мы решили, что если нам не принесут еду, то мы уже начнем кричать и звать на помощь. К 11 августа к нам приехали еще автозаки. Мы через окно видели, как над парнями издеваются. Они стояли почти голые на коленях попой кверху, руки у них были за головами. Если кто-то шевелился, то они били их палками.

У одной из наших девочек начались месячные. Она попросила: "Дайте, пожалуйста, туалетную бумагу". Ей сказали: "Майкой своей подтирайся". В итоге она просто снимала нижнее белье, стирала его и ходила, пока оно снова не пачкалось. Потом, когда была пересменка, пришла женщина, которая в итоге принесла нам бумагу. Мы ее просто боготворили.

Окна выходили на улицу. Мы видели людей, которые кричали: "Отпустите наших детей!". В соседней камере был мужчина, который сильно кричал, у него были проблемы с ногой. Ему три дня не могли вызвать "скорую", он не выдержал и начал кричать в окно, чтобы люди его услышали. Так сотрудник милиции открыл дверь - это было хорошо слышно, - начал его бить и говорить: "Сука, разминай свою жопу, сейчас я тебе кровь обратно в очко запихну".

Если бы была возможность как-то наказать тех людей, я бы с удовольствием это сделала. Все это разделило жизнь на до и после. Я раньше хотела поступать в МВД, быть сотрудником милиции, защищать народ, права человека, но после того как я побыла там, я больше не хочу этого. Теперь я просто хочу уехать из этой страны, забрать всех родных и близких, чтобы здесь не оставаться.

Сергей (имя изменено по просьбе героя), 25 лет

Меня задержали на третий день акций, 11 августа, около торгового центра. Работал не просто ОМОН, это был спецотряд "Алмаз" - элита, которая борется с террористами.

Когда мы увидели, как к нам идет колонна спецтехники, мы поняли, что можно только прятаться. Я сидел в укромном месте, какое-то время найти меня не могли. Так вышло, что я видел, как на площадке перед ТЦ на коленях стоят люди, которых избивают. Один из них упал, к нему наклонился омоновец, он поднял глаза, и мы встретились взглядом. В тот момент я подумал, что мне ***** [конец].

Меня тоже вывели на площадку. Тех, кто что-то говорил, били. Меня положили, немножко побили. У меня был с собой рюкзак с респираторами, масками. Один из офицеров посмотрел на него и сказал: "О, это какой-то организатор". Начали искать владельца.

Я решил не признаваться - понимал, что будет применяться дополнительное насилие. После нескольких минут избиения меня опять спросили, мой ли рюкзак. Я сказал, что не мой. Меня вывели за угол торгового центра три человека из спецназа. Руки у меня были связаны. Достали боевую гранату - я знаю, чем они внешне отличаются от светошумовых - и сказали, что сейчас достанут чеку, положат мне в трусы, я подорвусь, а они потом скажут, что я подорвался на самодельном взрывном устройстве. Что никто ничего не докажет и им ничего не будет.

Я продолжал говорить, что рюкзак не мой. Они положили мне в штаны гранату, отбежали. Потом вернулись и сказали, что я ***** [обнаглел], снова начали бить. Били в пах, били по лицу. Рюкзак велели нести в зубах. Пока мы шли в автозак, они продолжали меня бить руками по лицу. Если ронял рюкзак - били. У меня сейчас в итоге сколы на зубах.

Меня завели в автозак, там было человек 20. Нас кидали одного на одного. Сверху стоял омоновец, который ходил по людям. Ноги ставили на шею, начинали душить. У людей отекали руки из-за стяжек - кто жаловался, того били по рукам. В нашей машине был астматик, он начал задыхаться. Омоновец подошел к нему, положил ногу на горло, начал душить и сказал: "Если ты сдохнешь, нам всё равно".

Когда нас вывели на улицу, на земле была разлита краска. Мне обмазали ей лицо, пометили таким образом. Потом меня пересадили в другую машину. Там были четыре сотрудника с дубинками. Тебя кладут на пол, и они бьют тебя по ногам, приговаривая: "Это чтобы не бегал! Добегался!" Там я был один, возможно, туда водили и других. Девушек при мне не били.

Потом меня вернули в общий автозак. Там были две девушки лет 18. Их провинность была в том, что они поднимали голову и обращали внимание на то, что кому-то в салоне стало плохо. После нескольких таких обращений к одной из них подошел омоновец, начал на нее кричать, схватил за волосы. Он каким-то образом отбрил у нее часть волос и сказал: "Вы - шлюхи, мы вас вывезем в СИЗО, закинем в камеру к мужикам, вас там ***** [изнасилуют], а потом в лес увезем".

Был парень, который не хотел разблокировать телефон. Его раздели догола и сказали, что если он не скажет пароль, его изнасилуют палками. Тогда он согласился, его кинули лежать к остальным.

Нас привезли на какой-то переправочный пункт. Мы вышли из автозака. Там был коридор из 40 человек до другого автобуса. Когда идешь по нему, тебя бьют. Падаешь - бьют, пока не встанешь - по ноге, головам. Когда я дошел до автобуса, я упал от удара. На меня опять обратили внимание спецназовцы, потому что у меня была майка солидарности с российскими политзаключенными. Меня дополнительно побили, а потом взяли за руки и за ноги и кинули в автобус, как мешок.

На меня орали, говорили ползти в определенную точку. Я полз медленно, меня снова били. Когда я дополз, я уже просто не мог двигаться. Ко мне подошел другой сотрудник, поставил ногу на спину и начал бить по голове дубинкой - но уже не простой резиновой, а с металлическим стержнем. Я это понял, потому что после первого удара меня выключило. Я перестал что-то чувствовать.

Он бил какое-то время. Потом сверху меня навалились люди. Мне было тяжело дышать. Тех, кто был сверху, продолжали избивать. Был странный выбор, непонятно, где хуже - наверху, где ты с воздухом, но бьют, или внизу, где ты задыхаешься, но тебя не бьют.

Потом нас высадили, был еще один "коридор", где били, нас пересадили в автозак в камеру "стакан". Он был рассчитан на три человека, туда затолкали восемь. Я был прижат к стене и увидел кровь - только тогда я понял, что у меня разбита голова. В какой-то момент я потерял сознание, это повторилось несколько раз.

Когда нас довели до учреждения, из-за травм и духоты я просто не мог стоять. Я вывалился из камеры. Они сказали: "Кажется, этот уже готов". Меня выкинули из автозака и бросили. Ко мне сразу подошли медики, они сказали, что у меня рассечена голова, все побито, точно есть сотрясение. Меня тошнило, изо рта шли слюни. После этого меня уже не трогали. Уже сами омоновцы стояли и рассуждали - умру я или нет.

"Скорых", чтобы всех вывезти, не хватало, я лежал час. В итоге за мной приехали. В "скорой" я просил отвезти меня домой, а не в больницу, потому что оттуда участников акций забирают. Но из-за разбитой головы и подозрения на перелом ноги меня все же увезли в больницу.

Врачи понимают, что людей пытаются, они стараются вывезти, кого могут. Суммарно мне наложили 12 швов на три раны, сделали операции, снимки. Через несколько часов меня из больницы забрали друзья. Из-за того, что у меня не было ни паспорта, ни телефона, мою личность так и не установили.

Пока меня били, я большую часть времени ни о чем не думал. Мне было страшно, я не ждал такого насилия. Я думал о том, чтобы сгруппироваться, чтобы сохранить здоровье. Но если честно, еще думал про эмиграцию. Что если ничего не изменится, мне будет страшно жить в стране, где тебя могут в любой момент убить, и никто не будет наказан. Страшно думать, что рядом с нами живут сотрудники этих структур, которые пытаются людей и продолжают жить обычной жизнью.

Олег, 24 года (имя изменено по просьбе героя)

Я дальнбойщик, к политике никак не отношусь, не враг народа. Приехал неделю назад из рейса из Сибири. Посмотрел, что творится в интернете. Увидел, что дети выходят, бабушки. Я подумал - что я, молодой парень и буду дома отсиживаться? И пошел тоже.

Меня задержали [в ночь] с 10 на 11 августа, ближе к полуночи. Был хлопок недалеко от меня. Меня оглушило. Я увидел, что на земле лежит парень. Я хотел помочь подняться - а у него практически была оторвана нога. Ему светошумовая граната попала прямо в чашечку, колена уже не было.

Телефон куда-то завалился, я побежал искать "скорую". Мимо одна проезжала, я попросил медиков подъехать. Они попросили меня и еще нескольких парней остаться помочь. Метрах в двадцати стояли сотрудники ОМОНа - со щитами, оружием, автоматами.

Они нас не забирали, передавали другим нас не трогать. А потом подбежали со спины, положили быстренько, ударили по ногам. Завели руки за голову, избивали ногами. Врач пытался объяснить, кричал: "Что вы творите, мы тут не справимся, люди помогают!"

Нас сначала подняли, а потом через полторы минуты опять подбежали, избивали дубинками. По пути в автозак били, в автозаке тоже били, кричали: "Ах вы твари конченые". Были ногами, руками, прилетало по всему телу. С нами сидел мужчина лет пятидесяти, инвалид второй группы. Он попросил таблетку, сказал, что ему плохо. Его постоянно избивали.

Когда большая камера в автозаке заполнилась, нас начали сортировать по маленьким - по шесть человек. Нечем было дышать, была только маленькая форточка. Мы полтора часа сидели в этой дымовухе. После этого нас отвезли на Окрестина. Когда мы выбегали, выстроился коридор из сотрудников милиции и ОМОНа. Мы бежали к забору - они нас избивали. Улыбались, говорили: "Хотели перемен? Будут вам перемены!"

Полтора часа мы стояли с опущенной головой на коленях перед бетонным забором. Там были камни, у меня до сих пор колени все синие. Если кто-то возмущался - избивали. Один человек кричал, что он офицер ФСБ. Его окружили, дали в солнечное сплетение, его человек пять месили дубинками. Репортера из России избивали, он кричал просто до ужаса. Били за любой вопрос.

Я пока стоял, не думал ни о чем. Было очень жалко людей, которых избивали. Мне периодически тоже прилетало. Потом нас завели в здание, пока мы бежали, чтобы сдать вещи, нас продолжали бить дубинками. После нас загнали в прогулочный дворик - там было человек сто тридцать, все стояли один на другом. Раз в два часа по десять человек водили в туалет и еще раз в час давали по две двухлитровых бутылки воды. Некоторые на них посмотреть не успевали, как они уже заканчивались.

Потом нас опять повели на улицу - по пути избивали, - поставили на колени и допрашивали. Затем всех отправили в камеру, пока мы туда бежали, нам продолжало прилетать. В камере - 120 человек, за сутки дали только воду и одну буханку хлеба на всех.

На следующее утро были суды, нас к тому моменту в камере осталось около 25 человек. Меня на суде согласились освободить, арест не назначили. Но после этого еще продержали до вечера. Мои личные вещи так и не нашли, пообещали отдать потом. Вывели на улицу, я видел толпу парней, лежащих лицом вниз. Их избивали, они кричали. А через забор стояли их родственники.

Сам милиционер, который с нами стоял, говорил, что это ужас, это страшно. Когда нас выводили через задний двор, нам сказали, что если мы подойдем к толпе, где были родственники и пресса, нас заберут, и мы будем синего цвета. Но когда мы вышли, люди к нам подбежали как к героям - предложили сигарет, дали позвонить родственникам. В итоге у меня полностью отбиты ноги, спина и лопатки.

Марьяля, 31 год

12 августа мы с друзьями после 23 часов возвращались домой на машине по пустому проспекту - в Минске уже не было пробок, как в первые дни протестов, когда машины блокировали. И недалеко от Стелы, где народ собирался в день выборов, нас остановил гаишник и велел съехать к обочине. Кроме машины ГАИ там стояло несколько "бусиков" (микроавтобусов - Би-би-си). Подошли люди в черной защитной форме, в черных балаклавах - кажется у них были нашивки МВД, но точно я не разглядела. Их было много, только на нашу машину было человека три. Они не представились, сказали, чтобы мы вышли из машины.

Нам сказали разблокировать телефоны, потом сотрудники стали смотреть, какие у нас есть фото и видео. Меня отвели в сторону, а парней поставили руками на машину. Парни открыли телефоны, и в галерее у всех были видео с предыдущих ночей - как машины стоят в пробке и гудят и так далее. Мы знаем, что по закону не обязаны это показывать, но когда около тебя стоит куча черного народа с автоматами или каким-то другим оружием... Они начали материться, кричали: "Вы хотели перемен? Мы сейчас покажем вам перемены!". Начали обсуждать, что с нами делать, решили везти в РУВД.

Забрали ключи от нашей машины, завели в бус, лицо водителя мы тоже не видели. С нами сели двое с оружием, и кто-то ехал сзади в нашей машине. Тут вспомнили про меня, сказали набрать пароль от телефона. Я говорю: "У меня руки трясутся". Один из них даже сказал: "Отстань от нее, зачем тебе это нужно". Второй - самый агрессивный - все же забрал у меня телефон и тоже начал говорить: "Вот, там видео с протестов...".

Нас завели во внутренний двор РУВД - там уже лежали на асфальте парни с машины, которую привезли перед нами, и девушка стояла возле стены. Меня поставили недалеко от нее тоже лицом к стене, а парней - вдоль другой стены. И я услышала удары и поняла, что бьют моего мужа - потому что тот, кто бил, говорил: "Зачем тебе белый браслет?". Это был белый резиновый браслет у мужа на руке - символ того, что мы за Тихановскую и за мирные перемены. Я хотела посмотреть, но те, кто стояли за мной, сказали: "Не дергай головой".

Пришли переписывать данные. Ко мне подошел сотрудник, видимо РУВД, без маски и в гражданской одежде - его лицо рассмотреть я тоже не могла, потому что стояла лицом к стене. Он сказал мне ввести пароль на телефоне, но говорил: "Машенька", "Если что нужно, обращайтесь", - такой супердобрый полицейский.

Пока я разблокировала телефон, успела удалить из него "Телеграм" и что-то еще, потому что слышала, как они говорили, что будут смотреть наши подписки. Он сказал: "Я сейчас посмотрю, что вы удалили", но у него не получилось.